

Ты хочешь уйти, я не стану тебя останавливать. Но я буду ждать, пока ты вернешься. Чжоу Чун держал в руке меч, собираясь отдать его.

Рано утром в этот день Лэн Сян всё же настоял на том, чтобы уйти. На нем было темно-синее длинное одеяние, приготовленное для него Чжоу Чуном, а голову прикрывала вуаль, скрывавшая его легко привлекающее внимание лицо.

Он обернулся и посмотрел на Чжоу Чуна сквозь шелковую вуаль, заговорив со сложнейшими чувствами в голосе: — Мне не нужен меч. Несмотря на это, он не удержался и бросил на оружие оценивающий взгляд, сразу поняв, что это отличный меч.

— Пусть побудит при тебе. Чжоу Чун все же сунул ему меч в руку. Решение остаться и ждать его было выработано вчера вечером в ходе обсуждения с А-Фу. — Увидеть этот меч — все равно что увидеть меня. Я... буду скучать по тебе.

Чжоу Чун не стал говорить громких фраз вроде я обязательно буду ждать твоего возвращения — порой недосказанность заставляет думать о человеке куда больше.

— Но ведь мы встретились лишь случайно... Зачем ты...

Однако в конце концов Лэн Сян не договорил, развернулся и ушел.

Убедившись, что тот отошел достаточно далеко, Чжоу Чун сбросил с лица выражение влюбленного дурачка и озадаченно спросил: — А-Фу, мы что, правда собираемся сидеть здесь и ждать, пока он вернется?

А-Фу ответил: — По моим подсчетам, раньше чем через полмесяца он не вернется. Распорядись этим временем как знаешь, но я советую тебе выйти и получше изучить местность.

Чжоу Чун же все думал о Лэн Сяне и нахмурился: — Зачем он вообще отправился туда?

— Разве у него не было проваленного задания по убийству генерала? Наверное, вернулся, чтобы добить цель. Ну а после выполнения задания он наверняка вернется в Павильон Шестнадцати для сдачи отчета, а дальше... всё зависит от того, вспомнит ли он о тебе.

Чжоу Чун: — А если он обо мне не вспомнит, что тогда делать?

А-Фу: — Отправимся искать его. В наши дни репутация превыше всего. Вы же не просто мимолетной связью сошлись, не может же он воспользоваться тобой и сделать вид, что ничего не было, верно?

Чжоу Чун ничего не ответил, продолжая размышлять, как бы ему провести эти полмесяца...

Для долгого путешествия срок слишком мал, а для короткой поездки — и вовсе неинтересно.

Пока Чжоу Чун предавался прогулкам и любовался пейзажами, Лэн Сян в это время скрывался в ночной темноте...

А-Фу не ошибся: покинув поселок Циншуй, Лэн Сян всю дорогу возвращался к приграничному городу, выжидая удобного момента для убийства некоего генерала по фамилии Ху, стоявшего там гарнизоном.

После полуночи в военном лагере поднялась страшная суматоха: генерал Ху был убит наемным убийцей.

Другой генерал, по фамилии Ван, прибыл на место происшествия и, тщательно всё осмотрев, велел всем удалиться. Со вздохом он сказал стоявшему рядом военному советнику: — Смерть избавила его от многих проблем.

Советник кивнул в знак согласия: — Генерал прав, смерть от одного удара действительно избавила его от лишних мучений.

В этот момент убийца находился уже в десяти ли от лагеря, погоняя коня в сторону Павильона Шестнадцати. Проезжая мимо поселка Циншуй, он несколько раз сомневался, но в конце концов так и не остановился.

Не то чтобы ему не хотелось — просто он не мог себе этого позволить.

Чжоу Чун был для него лишь прекрасным сном длиною в полмесяца.

Когда сон рассеется, он снова станет внушающим ужас первым убийцей Павильона Шестнадцати, а тот парень останется юным, добрым и прекрасным целителем, только что ступившим на путь цзянху.

Лэн Сян вовсе не был слепцом и видел всё яснее кого бы то ни было.

Мчась галопом на взмышенном коне, он говорил себе: Лэн Сян, перестань об этом думать, пройдет несколько лет, и у этого парня непременно появится любящая жена, наложницы и куча детишек.

Верно, раз уж он такой замечательный человек, то пусть просто живет в безопасности... этого желания ему хватит на всю жизнь.

Возможно, Чжоу Чун никогда не сможет понять, как кто-то может быть столь рассудительным и настолько жестоким к самому себе. Лишь А-Фу отчасти понимал это: в этом, пожалуй,

заклучалась и вся глубина ненависти, и вся жалость к такому человеку.

Тот, кто не изведал бедствий и мучений, никогда не обзаведется подобным характером.

Короче говоря, как ни крути, а дожидаться возвращения Лэн Сяна им было не суждено.

— Половина месяца, еще половина месяца и снова половина... А-Фу, прошло уже полтора месяца, ты все еще уверен, что он вернется? Чжоу Чун вернулся в тот самый маленький постоянный двор, перенеся месяц томительного и бессмысленного ожидания.

— Вообще-то... я тоже не уверен, что он вернется. А-Фу впервые за долгое время смутился: в тот раз его уверенность наполовину состояла из слепой веры. Ладно уж, внутренний мир наемных убийц был ему не до конца понятен.

— ... — Чжоу Чун испытал такое смешанное чувство досады и абсурда, что слова застряли у него в горле. Мрачно прищурившись, он процедил: — Ладно, не буду припоминать тебе прошлые слова, придумывай теперь быстрее какой-нибудь выход. Выходит, весь этот полтора месяца он потратил впустую, просто слов нет.

А-Фу боялся этого выражения лица больше всего на свете, поэтому поспешно выпалил: — Хорошо-хорошо, я сейчас же запрошу у руководства отчет о местонахождении Лэн Сяна, и мы отправимся на его поиски как можно скорее.

— Хм! — Чжоу Чун вскинул голову. — Чего же ты медлишь?

Пять дней спустя в городе Фужун, среди бесчисленных многоэтажных лавок, царили оживленность и шум.

— Видишь ту расписную лодку, что зовется Павильоном Сбора Лотосов? Он выполняет там задание, — сказал А-Фу.

— Вижу, и что за задание? — Чжоу Чун стоял на берегу, глядя вдаль. На нем по-прежнему были развевающиеся белые одежды, а его лицо, подобное лику бессмертного, источало прохладную чистоту и святость. Он умел располагать к себе людей и в то же время внушать искреннее уважение.

— Убийство главаря одной могущественной банды, — ответил А-Фу.

— Он тоже из темного мира? — Первое, о чем подумал Чжоу Чун, была мафия.

— Отнюдь. Он вполне легален, за его спиной стоят чиновники. — А-Фу на мгновение замялся, прежде чем выдать собственные эмоции: — Он негодяй, он должен умереть.

Чжоу Чун: — Хм... раз уж у него такая высокая боевая выучка, не провалит ли этот глупый убийца задание?

А-Фу задумался: — Такое возможно. Желających отправить его на тот свет немало, так что он крайне осторожен. Если бы не это, Лэн Сян не стал бы выбирать момент, когда тот развлекается с девицами, чтобы совершить покушение.

Чжоу Чун улыбнулся: — Раз так, я ему помогу. А-Фу охватило недоброе предчувствие.

— И как же ты собираешься мне помочь? — только бы не натворил дел.

Чжоу Чун ответил:

— Та мазь, что я брал в прошлый раз, у меня ещё осталась, помоги мне сменить повязку.

А-Фу уже хотел отказаться, но от одного взгляда молодого господина Чжоу ему стало не по себе.

— Ладно.

Спустя полчаса Чжоу Чун сменил белые одежды на ослепительный фиолетовый наряд. Если в белом Чжоу Чун казался воплощением чистоты, то в фиолетовом он являл собой эталон порочной соблазнительности.

— Алые губы, очи-молнии, просто отлично. — Чжоу Чун бросил кокетливый взгляд на своё отражение в зеркале, гадая, понравится ли глупому убийце такой его образ.

Однако, к сожалению, сегодня вечером он отправлялся вовсе не к глупому убийце.

— Он идёт, — произнёс А-Фу.

Чжоу Чун вышел из комнаты, и распорядительница отвела его в роскошный зал для развлечений. Там сидели человек семь-восемь, и стоило Чжоу Чону переступить порог, как все взгляды намертво приковались к нему...

Без сомнений, это была редкостная красавица: пусть грудь и маловата, но ноги что надо, а лицо просто загляденье.

Сидевший во главе стола Лун Ци спросил:

— Кто это?

Для мужчины бывалого и неразборчивого в связях заметить, что Чжоу Чун — парень, не составляло труда.

— Меня зовут Чжоу Чун.

Назвав своё настоящее имя, Чжоу Чун с улыбкой направился к Лун Ци.

— Ты хорош, — улыбнулся Лун Ци и знаком велел распорядительнице удалиться.

— Ещё бы, — Чжоу Чун откинул полу юбки, обнажая соблазнительную белизну ног, и уселся Лун Ци на колени. Изначально он вовсе не планировал жертвовать своими ногами, но ради такого красавчика можно и поступиться принципами.

Порочный, но лишённый вульгарности, ослепительный и надменный — Лун Ци был готов поцеловать ему кончики пальцев, но лишь готов. На самом деле, стоило Чжоу Чону броситься к нему в объятия, на губах Лун Ци заиграла злобная усмешка.

— Нет, смотреть можно, а трогать нельзя. — Чжоу Чун перехватил руку, норовившую залезть ему на бедро.

— Это мы ещё посмотрим, — Лун Ци внезапно перехватил обе руки Чжоу Чуна, а второй рукой крепко обхватил его за талию.

Пытаясь вырваться, Чжоу Чун заметил его исполненную недоброго умысла улыбку и слегка испугался: неужели всё представление так быстро закончится?

Он приказал ледяным тоном:

— Отпусти меня.

Между тем, кто владеет боевыми искусствами, и тем, кто нет, поистине лежала пропасть.

А Лун Ци тем временем бросил сидевшим внизу приятелям:

— Раз уж красавица сама идёт ко мне в руки, я с радостью её приму.

С этими словами он потащил Чжоу Чуна в комнату, явно охваченный нетерпением.

— Черт! Да ты что творишь? — слушая расходящийся вокруг пошлый смех, Чжоу Чун неожиданно для самого себя смутился. Какого чёрта его тут лапает толпа мужиков!

— Клиент и продажная девчонка — сам как думаешь, что? — Лун Ци лишь позабавила его реакция. Впрочем, ему как раз и нравились такой нрав и такие манеры Чжоу Чуна, ведь этот парень ни капли не походил на девицу из борделя, скорее напоминая молодого господина из знатного рода.

Лун Ци переспал с бесчисленным количеством одинаковых блудниц, а вот отведать знатного юноши ему ещё не доводилось.

Чжоу Чун не мог понять наверняка — раскусил тот его уловку или нет?

Пока он пребывал в сомнениях и тревоге, Лун Ци уже затащил его в комнату и бросил на кровать. Возвышаясь над ним, мужчина с наслаждением окинул его взглядом:

— Ты невероятно красив, от тебя я... закипаю. — Напоследок он даже облизнул губы.

Чжоу Чун возблагодарил небеса: судя по всему, его не разоблачили, а просто банально захотели поить-кормить и ублажать. С этим справиться было проще простого. Подняв взгляд на Лун Ци, он игриво стрельнул глазами и промурлыкал:

— А у тебя хватит смелости меня обидеть? М? — Последствия, между прочим, придётся расхлёбывать самому.

Лун Ци дьявольски усмехнулся — как же сильно ему начинал нравиться этот чертёнок!

— Ты ведь знаешь, что играешь с огнём?

Внутренне закатив глаза, Чжоу Чун сладко запел:

— Милый, ну иди же ко мне, мне так жарко...

Молодой господин Чжоу решил идти до конца: в считанные секунды он превращался то в распутную соблазнительницу, то в надменную недотрогу, то строил из себя милашку, то капризничал.

Дыхание Лун Ци стало тяжелым, он открыто признавал, что поддался искушению.

— Чертёнок, ты ещё пожалеешь, что разозлил меня.

С этими словами он сбросил халат, оставшись в нижней одежде, и подался вперед, накрывая Чжоу Чуна своей широкой тенью.

Чжоу Чун широко раскрыл глаза, его лицо выражало крайний испуг, в то время как в душе он вопил: целуй же меня, тупица!

Эти полные алые губы манили сочными капельками росы. Лун Ци чувствовал, как сильно жаждет этого его ходящий ходуном кадык. Он больше не хотел ждать и наконец...

Поцеловал ли он в итоге Чжоу Чуна?

Судя по разочарованному выражению лица самого Чжоу Чуна, нет, не поцеловал, потому что в самую последнюю секунду их эпохальный поцелуй был прерван.

Оказалось, Лун Ци ощутил устремившуюся к нему волну убийственной ауры, рассекавшую воздух. Если бы он не увернулся, кинжал вонзился бы ему прямо в спину. Уклонившись в самый последний момент, он лишь мысленно пожалел, что теперь наверняка пострадает красавчик.

Но так ли всё было на самом деле?

Конечно же нет, ведь наёмный убийца был сердечным дружком Чжоу Чуна, разве стал бы он вредить своему возлюбленному?

— Это ты? — ошеломлённо проговорил Чжоу Чун, глядя на облачённого в чёрное Лэн Сяна. Как он мог не узнать Лэн Сяна — те глаза он не забыл бы никогда.

А-Фу мысленно усмехнулся: притворяется тут перед ним, будто всё взаправду. А сам-то забыл, что пришёл сюда сидеть в засаде в ожидании добычи?

Визуальный и психологический удар, который Лэн Сян получил от Чжоу Чуна, был огромен. Он уже давно поджидал в этой комнате и видел, как вошёл Чжоу Чун, но теперь, оказавшись с ним лицом к лицу, всё равно был потрясён яркими губами и глазами этого человека.

Что же до душевной боли, то ему вовсе не хотелось говорить об этом — ему хотелось убить Лун Ци, разорвав его на куски.

<http://bllate.org/book/21242/2148971>